

Н. И. Соловьев — критик, автор и корреспондент Достоевского

Д. Д. Бучнева

Петрозаводский государственный университет
(г. Петрозаводск, Российская Федерация)

e-mail: darja.lammasjarvi@mail.ru

Аннотация. В 1874 г. Достоевский отозвался на смерть Николая Ивановича Соловьева в еженедельнике «Гражданин», положительно характеризуя его литературную деятельность. Их общение было непродолжительным и восходит к 1864 г., когда неизвестный на тот момент автор прислал рукопись статьи «Теория безобразия» в редакцию «Эпохи». Мировоззрение и творчество критика формировались под непосредственным влиянием Достоевского. Ключевым в системе взглядов публициста стало утверждение «человеческого достоинства», понимаемого как неразрывная связь эстетического и нравственного начал. Соловьев боролся с нигилизмом и утилитаризмом 1860-х гг. Центральное место полемики занимала защита духовного значения искусства и красоты как оснований нравственности. В статьях Соловьева, опубликованных в «Эпохе», раскрывается оригинальный замысел автора, основанный на использовании парадоксальных заглавий. Эти формулировки необходимо интерпретировать как его сознательный прием в полемической борьбе. Особое внимание в статье уделено творческому диалогу Соловьева с Достоевским, который прослеживается не только в редакционных правках и примечаниях писателя, но и в их переписке. Сохранившиеся письма Соловьева к Достоевскому 1871 г. раскрывают эволюцию их диалога. В эпистолярии критик предстает не только как чуткий наблюдатель литературного процесса, но и как глубокий интерпретатор творчества Достоевского. Мировоззрение обоих авторов базировалось на ряде общих принципов: восприятии нигилизма как угрозы национальной культуре, рассмотрении красоты как спасительной силы, тесно связанной с моралью, и утверждении христианских ценностей — семьи и веры.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Н. И. Соловьев, литературная критика, полемика, нигилизм, утилитаризм, эпистолярий, почвенничество

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 24-18-01075 «Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского и его корреспондентов: источники, атрибуция, текстология (1867–1875)», <https://rscf.ru/project/24-18-01075/>).

Для цитирования: Бучнева Д. Д. Н. И. Соловьев — критик, автор и корреспондент Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2025. Т. 12. № 4. С. 171–182. DOI: 10.15393/j10.art.2025.8241. EDN: LKAZUL

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2025.8241

EDN: LKAZUL

Nikolai Solovyov as a Critic, Author and Correspondent of Dostoevsky

Daria D. Buchneva

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

e-mail: darja.lammasjarvi@mail.ru

Abstract. In 1874, Dostoevsky responded to the death of Nikolai Ivanovich Solovyov in the weekly “Grazhdanin” (“The Citizen”), positively characterizing his literary work. Their association was brief and dates back to 1864, when the then-unknown author sent the manuscript of the article “The Theory of Ugliness” to the editors of “Epoch.” The critic’s worldview and work were shaped by Dostoevsky’s direct influence. The key to the publicist’s system of thought was the affirmation of “human dignity,” understood as the inseparable connection between aesthetic and moral principles. Solovyov combatted the nihilism and utilitarianism of the 1860s. The central focus of this debate was the defense of the spiritual significance of art and beauty as the foundations of morality. Solovyov’s articles published in the “Epoch” reveal the author’s original intention, which was based on the use of paradoxical titles. These formulations must be interpreted as a deliberate move in his polemical struggle. The article devotes particular attention to the creative dialogue between Solovyov and Dostoevsky, which can be traced not only in the writer’s editorial revisions and notes but also in their correspondence. Surviving letters from Solovyov to Dostoevsky from 1871 reveal the evolution of their dialogue. In his epistolary writings, the critic emerges not only as a sensitive observer of the literary process but also as a profound interpreter of Dostoevsky’s work. The worldview of both authors was based on a number of common principles: the perception of nihilism as a threat to national culture, the appreciation of beauty as a salvific force closely linked to morality, and the affirmation of Christian values —family and faith.

Keywords: F. M. Dostoevsky, N. I. Solovyov, literary criticism, polemics, nihilism, utilitarianism, epistolary writing, pochvennichestvo

Acknowledgments. The research was carried with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF, project number 24-18-01075 “The Epistolary Heritage of F. M. Dostoevsky and His Correspondents: Sources, Attribution, Textual Criticism (1867–1875)”, <https://rscf.ru/project/24-18-01075/>).

For citation: Buchneva D. D. Nikolai Solovyov as a Critic, Author and Correspondent of Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2025, vol. 12, no. 4, pp. 171–182. DOI: 10.15393/j10.art.2025.8241. EDN: LKAZUL (In Russ.)

«Достойнѣйшій врачъ и писатель», литературную деятельность которого «можно раздѣлить на двѣ части: на чисто-литературную, критическую (въ разныхъ журналахъ) и на специально научныя, но популярно изложенныя имъ, нѣкоторыя изысканія и изслѣдованія его по санитарной части въ Россіи»¹ — таким образом охарактеризовал Достоевский Николая Ивановича Соловьева в небольшом редакционном примечании к статье

¹ Ред. <Ф. М. Достоевский>. [Примечания к статье «Севастопольские подвижники»] // Гражданинъ. 1874. № 2. С. 49.

«Севастопольские подвижницы» и некрологе, размещенных во втором номере «Гражданина» за 1874 г.

Знакомство Достоевского с Соловьевым произошло в 1864 г., когда начинающий провинциальный автор прислал рукопись статьи «Теория безобразия» в редакцию журнала «Эпоха» с просьбой о публикации. Уже в июльском номере материал был напечатан с редакционным примечанием, где Достоевский положительно отозвался о статье и выразил просьбу ее автора о сотрудничестве² (см. подробнее: [Нечаева: 36–38]). По воспоминаниям редактора «Эпохи», «черезъ два мѣсяца Николай Ивановичъ былъ уже въ Петербургѣ, куда перевелся на службу, и, — по собственнымъ словамъ его пишущему эти строки, — эта-то лестная для него отмѣтка редакціи и вызвала его тогда на литературную дѣятельность»³. С этого момента Соловьев присоединился к коллективу основных сотрудников журнала. В «Эпохѣ» автор опубликовал шесть критических и полемических статей: «Теория безобразия» (1864. № 7), «Теория пользы и выгоды» (1864. № 12), «Бесплодная плодовитость» (1864. № 12), «Женщинам» (1864. № 12), «Дети» (1865. № 1), «Разлад (Критика критики)» (1865. № 2).

В своих публикациях Соловьев уделял весомое значение эстетическим вопросам (см.: [Егоров, 2007, 2009], [Щербаков, 2023, 2025]). В статье «Теория безобразия» критик разработал концепт *безобразия* как системное отрицание красоты, искусства и духовно-нравственных начал человеческой жизни. Публицист показал, что *безобразие* возникает там, где искусство и красота объявляются ненужными:

«Отрицатели искусства обыкновенно не нападаютъ на него прямо, а говорять, что они не признаютъ только искусства для искусства. Но искусство для искусства тоже, что наука для науки, — два понятія почти немыслимыя съ тѣхъ поръ какъ поэзія разсталась съ романтизмомъ, а наука съ метафизикой. Наше искусство менѣе всего можно упрекнуть, что оно живеть для себя, потому что въ высшей степени реально. Оно имѣло много ложныхъ взглядовъ на жизнь, узко и криво смотрѣло на нее, но никогда отъ жизни не отрывалось. Быть можетъ наука не сдѣлалась столько практической у насъ сколько искусство реальнымъ»⁴.

² Ред. <Достоевский Ф. М.> [Примечание к статье «Теория безобразия】 // Эпоха. 1864. № 7. С. 1. Далее ссылки на эту публикацию приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Достоевский*.

³ Ред. <Ф. М. Достоевский>. [Примечания к статье «Севастопольские подвижницы】 // Гражданинъ. 1874. № 2. С. 50.

⁴ Соловьевъ Н. Теорія безобразія // Эпоха. 1864. № 7. С 6. Далее ссылки на эту публикацию приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Теорія безобразія* и указанием страницы в круглых скобках.

Безобразие замещает духовное содержание жизни расчетом. Ключевым в рассуждениях критика является тезис о неразрывной связи эстетического и нравственного:

«Самыя нравственные чувства есть ничто иное какъ чувство эстетическое, примѣненное только къ дѣйствительной жизни. Если для человѣка есть всѣ выгоды солгать или обмануть и онъ все таки не лжоть и не обманываетъ, то онъ руководствуется не какимъ нибудь умственнымъ выводомъ а тѣмъ, что лгать ему кажется гадко, противно» (*Теорія безобразія*: 4).

Так Соловьев сформулировал еще одно определение понятия *безобразие* — утрата внутреннего нравственного чувства, коренящегося в восприятии красоты. Автор показал, как отрицание изящного ведет к опошлению языка, цинизму и разрушению человеческих отношений, приводя в пример Помяловского, который ввел в литературу грубые, *безобразные* выражения:

«Подъ-конецъ безцеремонность въ немъ росла и въ послѣднихъ сочиненіяхъ встрѣчается наконецъ фраза съ новымъ словомъ: "сипондряція". Безобразное это слово такъ понравилось автору, что онъ его нѣсколько разъ повторяетъ. "И она, вспомнивши прежніе годы своей съ нимъ сипондряціи влѣпила ему препорядочную безешу"» (*Теорія безобразія*: 13–14).

Соловьев предупреждает, что культура, основанная на *безобразии*, лишает общество духовных ориентиров и ведет к моральному распаду:

«Если мы будемъ бранить то, что вчера хвалили и опровергать завтра то, что сегодня находили хорошимъ, то не далеко мы уйдемъ. Прогрессъ есть движение а не бѣготня» (*Теорія безобразія*: 16).

Критика Соловьева направлена на систему мысли, порождающую духовное оскудение и угрожающую будущему общества.

В заглавии своих статей Соловьев предложил ключ к пониманию его полемической тактики и главных идей. Они почти всегда построены на парадоксе или острой формулировке, которые сразу бросают вызов оппонентам. Так, «Теория безобразия» — протест против утилитарного подхода. В 1860-е гг. радикальные критики объявляли искусство, не приносящее практической пользы, бесполезным, красота и эстетика считались ненужными излишествами. Соловьев берет этот тезис и доводит его до логического абсурда. Автор отсылает к отрицателям, создающим целую систему взглядов, которую можно назвать теорией. Однако, отрицая *прекрасное*, они формируют обратную теорию — *теорию безобразия*. Заглавие раскрывает суть нигилизма, показывая, что путь, предлагаемый радикалами, ведет к духовному и нравственному уродству, к хаосу и моральному падению. Это саркастическое и точное обозначение для мировоззрения,

которое, отрицая красоту, создает систему ценностей, основанную на безобразии.

Общий замысел Соловьева в создании заглавий проявляется и в других его работах, таких как «Теория пользы и выгоды», где он берет ключевые понятия утилитаристов и выстраивает из них подобие теории, показывая узость и эгоистичность такого подхода. Заглавие даже с более прямым значением — «Женщинам» — содержит вызов, представляя собой суровый разбор «женского вопроса». Парадоксальные заглавия служили Соловьеву оружием в полемике. Они позволяли ему концентрировать критику в двух-трех словах, доводить идеи оппонентов до абсурда и привлекать внимание читателя провокационными формулировками.

Защищая поэтов, поэзию, художников и искусство в целом, отстаивая необходимость и важность постижения всего изящного, грациозного, светлого в жизни, Соловьев размышляет над такими нравственными вопросами, как любовь, семейные отношения, воспитание детей, гуманность, человеческое достоинство, народность и милосердие. Критик уверен в дуализме жизни и человеческой натуры. Так, «есть тепло, есть холодъ, есть свѣтъ и темнота, есть добро и зло, есть эгоизмъ и гуманизмъ», — пишет Соловьев в статье «Теория пользы и выгоды»⁵. Человек — существо социальное, поэтому он «есть не только существо само по себѣ, но и существо для другихъ, а какже оно можетъ быть для другихъ, когда внѣ его, какъ говорятъ эгоисты, нѣтъ ничего» (*Теорія пользы*: 13). Соловьев утверждает, что лишь баланс эгоизма и гуманизма в личности образует *честного человека*. Эту идею автора уточнил Достоевский в редакционном примечании к статье:

«Намъ кажется, что авторъ понимаетъ примиреніе эгоизма и гуманизма только въ высшемъ самосознаніи, т. е. чѣмъ выше будетъ сознаніе и самоощущеніе своего собственного лица, тѣмъ выше и наслажденіе жертвовать собой и всей своей личностью изъ любви къ человѣчеству. Здѣсь человѣкъ, пренебрегающій своими правами и возносящейся надъ ними, принимаетъ какой то божественный образъ, несравненно высшій образа всесвѣтнаго, хотя бы и гуманного кредитора, благоразумно, хотя бы и гуманно занимающагося всю жизнь определеніемъ того, что *мое* и что *твое*»⁶.

Критик рассматривает гуманизм как эстетическую проблему:

«Удивляться впрочемъ нечего, что люди, начавши разрушать эстетическую сторону жизни, не признали также и гуманность въ чистомъ ея значеніи.

⁵ Соловьевъ Н. Теорія пользы и выгоды // Эпоха. 1864. № 11. С. 12. Далее ссылки на эту публикацию приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Теорія пользы* и указанием страницы в круглых скобках.

⁶ Ред. <Достоевский Ф. М.> [Примечание к статье «Теория пользы и выгоды»] // Эпоха. 1864. № 11. С. 13.

Между чувствомъ эстетическимъ и гуманнымъ — самая глубокая связь» (*Теорія пользы*: 13–14).

Доктрина эгоизма, по мысли Соловьева, — чужое учение. Русской народности свойственна гуманность. Об этом критик пишет в статье с оксюморонным названием «Бесплодная плодовитость»:

«Мы экспансивны, гостепріимны, щедры до смѣшного; широкая натура (какъ это слово ни опошилось у пошлыхъ людей) по преимуществу наша. Нѣть народа, который-бы такъ легко примирялся съ иностранцами и котораго-бы они такъ легко эксплуатировали. Отъ физическихъ-ли условій, отъ широты-ли неогорожнаго ничѣмъ пространства, но только мы русскіе не родились эгоистами...»⁷.

Соловьев подвергает критике современную литературную среду, где авторы, особенно из лагеря его оппонентов, много и активно публиковались. Однако вся эта деятельность была бесплодной в духовном и художественном отношении. Это была критика мнимого прогресса, которая лишь создавала видимость деятельности, однако на деле была пустой и разрушительной. По замечанию Б. Ф. Егорова, Соловьеву был характерен «спокойный, вдумчивый анализ; настоящая критика, как и художественная и научная деятельность, чтобы быть оригинальной и плодотворной, должна созревать медленно и уединенно» [Егоров, 2009: 495].

Публицист был критически настроен к нигилистическому движению, противопоставляя эгоистическому реализму нравственно-эстетическое чувство. Помимо понятия *пользы*, существуют *истина* и *красота*. Отрицать живопись, музыку, поэзию есть то же, по мысли автора, что ослепнуть, оглохнуть, потерять способность говорить⁸. Соловьев вводит термин *натуральное чувство* (или *чувство природы*), которое мыслится критиком как некая *естетическая категория* (*Дѣти*: 15). Систематическое изучение природы с точки зрения науки не дает полного знания о ней:

«...каждое дерево само по себѣ составляетъ законченную картину и имѣть физіономію. Въ рвущихся къ небу вѣтвяхъ тополя есть что-то сосредоточенное, гордое; липа съ ея нѣжными вѣтвями имѣть въ себѣ что-то мягкое, женственное; береза выглядитъ уже иначе: стволъ ее напоминаетъ зиму, а въ ея опущенныхъ книзу вѣтвяхъ есть что-то горькое, полуубитое, — точно однѣ бѣдныя хижины и предназначено ими украшать. Какъ-будто каждымъ деревомъ природа хотѣла что-то сказать, потомъ задумалась да такъ и замерла» (*Дѣти*: 15).

⁷ Соловьевъ Н. Безплодная плодовитость // Эпоха. 1864. № 12. С. 8–9.

⁸ Соловьевъ Н. Дѣти // Эпоха. 1865. № 1. С. 15. Далее ссылки на эту публикацию приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Дѣти* и указанием страницы в круглых скобках.

Главная цель искусства, таким образом, по Соловьеву, — «гуманизировать» людей (*Діти*: 15). Обращаясь к главным евангельским заповедям о любви к Богу и ближнему, критик характеризует человечество как второе божество (*Діти*: 15–16). В этом он видит величие человеческого достоинства. Творчество истинных поэтов направлено прежде на любовь к людям:

«Дѣятельность поэтовъ въ этомъ отношеніи неисчислима. Тургеневскія "Записки охотника" возбуждаютъ симпатію къ народу; "Шинель" Гоголя заставляетъ настъ любить мельчайшаго изъ смертныхъ, а "Бѣдные люди" почти уважать такихъ униженныхъ. Гюго учитъ снисходить къ нищимъ, калѣкамъ, изувѣченнымъ болѣзню и изуродованнымъ преступленіями. Кто наконецъ женщинъ представляетъ такимъ образомъ, какъ Пушкинъ Татьяну, такъ что всякое нигилистическо-пѣтушиное чувство пропадаетъ? А кто наконецъ дѣтей представляетъ намъ такъ, какъ они изображены у Эліота? Кто учить любить природу, свой народъ со всѣми его слабостями и недостатками, и все это съ неодолимой силой соединяетъ настъ всѣхъ и привязываетъ къ родинѣ, такъ что языкъ и литература есть основа не только гуманизма и человѣчества, но и народности, національностей? Не будь у нѣмцевъ народныхъ пѣсенъ Лессинга, Шиллера, Гёте и другихъ, они-бы давно разбѣжались въ разныя стороны. Литература только и вяжетъ ихъ. И настъ тоже она должна болѣе всего вязать. Не знать своего языка прежде всего и лучше всего — это тоже, что измѣнить отечеству, быть связаннымъ съ ними одними только материальными интересами, а не жить съ нимъ за одно. О людяхъ, неуважающихъ нашей литературы и непонимающихъ народнаго генія, можно почти тоже сказать: они оторваны силою тяжолыхъ обстоятельствъ отъ своей почвы, отъ своей родины» (*Діти*: 16–17).

В представленном выше фрагменте очевидно влияние Достоевского. Нельзя и отвергать правку редактора. Характерным приемом Достоевского как издателя сначала «Времени», «Эпохи», а позже и «Гражданина» было выдерживать идейную линию, направление [Захаров]. В редакционном примечании к первой статье Соловьева Достоевский отметил, что помещает материал «**почти** (выделено мной. — Д. Б.) безъ измѣненій» (*Достоевский*), то есть все-таки какие-то корректировки были внесены.

В соловьевском понимании эгоизм и гуманизм являются полюсами любви. Автор рассматривает отношение полов друг к другу, где центром ограничения эгоизма является для мужчины — женщина: «...въ обоюдной любви мужчины и женщины сливаются и эгоизмъ, и гуманизмъ, и чувство долга, и чувство наслажденія»⁹. Главнейшей должностью человека критик считает быть *отцом и матерью*. Дети — главная связь семьи:

⁹ Соловьевъ Н. Женщинамъ // Эпоха. 1864. № 12. С. 23.

«При тѣсномъ сближеніи мушкины съ женщиной можетъ существовать только пара; до тѣхъ поръ, пока у этой пары нѣтъ дѣтей, — нѣтъ въ настоящемъ смыслъ и семьи. Связь мушкины съ женщиной не такъ еще крѣпка, они болѣе любовники. Супругами-же вполнѣ они дѣлаются когда между ними является новый индивидумъ, связанный по природѣ столько-же съ отцомъ, сколько и съ матерью. *Дѣти по этому есть центръ семьи*» (*Дѣти*: 1).

Вопрос о детях и их воспитании, по Соловьеву, должен быть ключевым, «самымъ насущнымъ», в литературе, поскольку молодое поколение есть мост к будущему. Критик исключает необходимость отдавать одному из супругов главенствующую роль в формировании ребенка: «...это трудъ общій: ихъ дитя — ихъ общее сокровище, оба и должны сберегать его» (*Дѣти*: 4).

Публицист придает особое значение детской игре, которая посредством обращения с куклами и животными определяет будущие поступки по отношению к людям. Соловьев скептически относится к наказанию ребенка, считая, что вина прежде всего лежит на родителях: «Наказывая дитя, родители наказываютъ такъ сказать свою-же собственную природу» (*Дѣти*: 6). Автор видит губительные последствия от физических мучений ребенка и, будучи врачом, приводит весомые аргументы в пользу отказа от телесных наказаний. По мысли критика, искусство «прельщаетъ идеаломъ, воспитаніе дѣйствуетъ примѣромъ» (*Дѣти*: 7), в то же время парадоксально — «наука учить, а искусство воспитываетъ». Суровость воспитания, закрытые раздельные учебные заведения приводят к уничтожению чувства добра и красоты в молодежи. Ключевые положения о роли семьи в воспитании ребенка сосредоточены в следующем фрагменте:

«Ни одинъ нашъ поступокъ, ни одно сильное душевное движение въ присутствіи дѣтей не обходится безъ того, чтобы оно на нихъ не подействовало. Родители и воспитатели обыкновенно и не стѣсняются этимъ. *Безстыдство*, неделикатность и невоздержанность въ поступкахъ доходятъ иногда до крайности. Какъ морская губка, мозгъ ребенка все въ себя впитываетъ. О послѣдствіяхъ никто не думаетъ. Разсчеты на школы и жизнь однимъ настоящимъ ослабляютъ въ нашихъ отцахъ и материахъ всякую совѣстливость передъ дѣтьми, передъ этимъ воплощеніемъ будущаго. Отчасти эта *совѣстливость* существуетъ, иначе и говорить-бы было не зачѣмъ, но существуетъ въ самомъ нелѣпомъ видѣ. Стѣсняются напримѣръ разговорами о беременности, о рождениіи, любовныхъ интригахъ, какъ будто только одной любви и надо бояться ребенку. Нѣть, пусть они ограничатъ себя во всемъ что вредно дѣйствуетъ на ребенка, и тогда это ограниченіе подѣйствуетъ прогрессивно даже и на нихъ самихъ. Замѣчательно, что рожденіе ребенка дѣляетъ иногда какъ-бы цѣломудреннѣй родителей, особенно мать: отъ нея положительно отлетаютъ всѣ любовные помыслы, дальше даже, чѣмъ отъ другой дѣвушки. Она какъ-бы влюбляется въ свое дитя. На мужѣ даже отражается ея холодность, — и не безъ пользы

для него. Презрѣніе заслуживаетъ та женщина, которая мѣняетъ своихъ дѣтей на любовниковъ, и несчастны тѣ отцы, сердце которыхъ не смягчалось привязанностю къ дѣтямъ» (*Дѣти*: 7–8).

В критических работах Соловьева утверждение христианских ценностей происходит через призму эстетики и нравственности. Публицист отстаивает неразрывную связь между искусством, гуманизмом и семейными идеалами, противопоставляя их нигилизму и эгоизму. Его идеи во многом развивались под влиянием Достоевского. Их диалог продолжался до кончины Соловьева в 1874 г.

Сохранилось пять писем корреспондента к Достоевскому 1864–1871 гг., которые раскрывают не только детали их личных отношений, но и широкий контекст литературно-общественной жизни эпохи. В них Соловьев предстает активным участником литературного процесса, чутким наблюдателем и критиком. В февральском письме 1871 г. он, выступая как представитель новой московской «Беседы», настойчиво приглашает Достоевского к сотрудничеству, подчеркивая идейную преемственность журнала с изданиями братьев Достоевских «Время» и «Эпоха» [Викторович: 143–145]. Однако к июню тон и содержание писем меняются, отражая нарастающую хаотичность на медийном поле. Соловьев вовлекается в издание ежедневной газеты «Русский Мир» и, аргументируя новое предложение, констатирует ключевую тенденцию: «Газеты берутъ очевидный перевѣсь надъ журналами»¹⁰. Его наблюдения за неудачей «Зари» (см. о журнале «Заря»: [Бучнева]) и неустойчивым положением «Беседы» являются точной оценкой кризиса «толстого журнала» как формата.

Соловьев в письмах рассуждает также о творчестве самого Достоевского, не только развивая мысль Н. А. Добролюбова о «гуманизме» писателя, но и выдвигая собственную, глубокую концепцию, называя Достоевского «писателемъ ужаснымъ»¹¹. Раскрывая это определение, Соловьев указывает, что сила Достоевского — в изображении внутреннего ада, зарождающегося в душе человека с развитой образованием совестью. Довольно чутко критик интерпретирует сцену из романа «Идиот» — рассказ князя Мышкина о переживаниях человека, идущего на казнь. Соловьев видит в физической агонии своеобразный смысл:

«...ею какъ бы ослабляются или отвлекаются отъ сознанія тѣ внутреннія душевныя муки которыя испытываетъ всякий разставаясь съ жизнью»¹².

¹⁰ Соловьев Н. И. Письмо к Ф. М. Достоевскому. От 20 июня 1871 г. // ОР РГБ. Ф. 93.П.8.125. Л. 11.

¹¹ Соловьев Н. И. Письмо к Ф. М. Достоевскому. От 4 апреля 1871 г. // ОР РГБ. Ф. 93.П.8.125. Л. 8 об.

¹² Соловьев Н. И. Письмо к Ф. М. Достоевскому. От 4 апреля 1871 г. // ОР РГБ. Ф. 93.П.8.125. Л. 9.

Это проницательное замечание корреспондента Достоевского показывает, насколько тонко он понимал психологическую глубину произведений писателя.

Опубликованные в «Эпохе» статьи Н. И. Соловьева позволяют выявить целостную систему взглядов, в центре которой оказывается защита духовных и эстетических начал человеческой жизни. Его выступления представляют собой последовательную критику набиравшего силу нигилизма и утилитарного подхода к действительности.

Основной пафос статей Соловьева направлен против радикального отрицания искусства. Публицист настаивает на том, что красота и искусство — фундаментальная потребность человеческой природы, неразрывно связанная с нравственностью. Основываясь на убеждении, что эстетическое чувство лежит в основе моральных поступков, он утверждает, что человек часто поступает верно, поскольку ложь или подлость кажутся ему безобразными, т. е. внутренне отталкивающими. Отрицание искусства рассматривается им как прямая угроза нравственным устоям личности и общества.

Важной чертой подхода критика является стремление к гармонии. Соловьев выступает против любой односторонности: как против жизни исключительно чувством и воображением, так и против сведения всей человеческой деятельности к сухому расчету и пользе. Он доказывает, что ум и фантазия, наука и поэзия дополняют друг друга. Ум, по его словам, проекладывает дорогу, а фантазия дает содержание деятельности. Эта идея равновесия распространяется и на социальные взгляды Соловьева. В статьях «Женщинам» и «Дети» он развивает мысль о святости семьи, материнства и отцовства, резко критикуя теории, проповедующие свободную любовь и ведущие, по его мнению, к разрушению семейного очага. Для него дети — это как центр, скрепляющий семью, так и будущее всего общества. Их воспитание должно основываться на любви, эстетическом развитии и личном примере.

Особое значение для понимания всей истории сотрудничества Достоевского и Соловьева имеет их эпистолярный диалог, охватывающий период с 1864 по 1871 гг. Сохранилось лишь пять писем последнего к Достоевскому, однако они содержательны и дополняют картину их личных и творческих отношений, служат источником, раскрывающим эволюцию взглядов Соловьева, его роль в литературном процессе и глубину восприятия творчества Достоевского.

Именно эта система взглядов, подкрепленная и углубленная эпистолярным диалогом, обусловила положительную характеристику Соловьева со стороны Достоевского. В своем примечании к «Теории безобразия» Достоевский хотя и отметил некоторую «наивность» (Достоевский) статьи, однако подчеркнул, что ее главная идея им полностью разделяется, «тверdyй, искренній и благородный тонъ» (Достоевский) вызывает глубокую симпатию. Для Достоевского Соловьев был ценен как «голосъ свѣжій» (Достоевский) из самой

толщи общества, далекий от столичных литературных сплетен. Их идейное родство очевидно: оба видели опасность в нигилистическом отрицании идеалов, считали красоту спасительной силой и связывали ее с нравственностью, отстаивали значение христианских ценностей — семьи и веры. Соловьев был обязан Достоевскому своей литературной карьерой. Со страниц «Эпохи» начался новый этап его жизни. Сложившиеся под влиянием писателя критические работы автора базируются на традиционных ценностях. Статьи Соловьева выражали идеи почвенничества, которые Достоевский развивал в полемике с радикальными течениями эпохи.

Список литературы

1. Бучнева Д. Д. Ф. М. Достоевский и Н. Я. Данилевский: спор о России и Европе // Неизвестный Достоевский. 2025. Т. 12. № 1. С. 179–194 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1744288526.pdf (10.08.2025). DOI: 10.15393/j10.art.2025.7761. EDN: UJYVQC
2. Викторович В. А. Происхождение «Гражданина»: авторы, концепции, жанры // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 4. С. 117–157 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1732441170.pdf (10.08.2025). DOI: 10.15393/j9.art.2024.14522. EDN: APFWHX
3. Егоров Б. Ф. Соловьев Николай Иванович // Русские писатели. 1800–1917: биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. Т. 5. С. 748–750.
4. Егоров Б. Ф. Н. И. Соловьев // Егоров Б. Ф. Избранное. Эстетические идеи в России XIX века. М.: Летний сад, 2009. С. 480–505 [Электронный ресурс]. URL: <https://djvu.online/file/nIKhL89h0ZivB> (10.08.2025). (Сер.: Российские Пропилеи.)
5. Захаров В. Н. О статусе редакционных статей в изданиях Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2017. Т. 4. № 1. С. 3–17 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1493122152.pdf (10.08.2025). DOI: 10.15393/j10.art.2017.3083. EDN: YNADJZ
6. Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864–1865. М.: Наука, 1975. 302 с.
7. Щербаков В. И. Николай Соловьев как критик эстетической теории Н. Чернышевского // Studia Litterarum. 2023. Т. 8. № 1. С. 46–63 [Электронный ресурс]. URL: http://studlit.ru/images/2023-8-1/02_Shcherbakov_46-63.pdf (10.08.2025). DOI: 10.22455/2500-4247-2023-8-1-46-63. EDN: QSOYAQ
8. Щербаков В. И. Статья Николая Соловьева «Вопрос об искусстве» в полемике «О грозе» А. Н. Островского // Studia Litterarum. 2025. Т. 10. № 3. С. 172–183 [Электронный ресурс]. URL: https://studlit.ru/images/2025-10-3/08_Shcherbakov.pdf (10.08.2025). DOI: 10.22455/2500-4247-2025-10-3-172-183. EDN: WTVFCY

References

1. Buchneva D. D. Fyodor Dostoevsky and Nikolay Danilevsky: a Dispute About Russia and Europe. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2025, vol. 12, no. 1, pp. 179–194. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1744288526.pdf (accessed on August 10, 2025). DOI: 10.15393/j10.art.2025.7761. EDN: UJYVQC (In Russ.)

2. Viktorovich V. A. The Origin of “The Citizen”: Authors, Concepts, Genres. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2024, vol. 22, no. 4, pp. 117–157. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1732441170.pdf (accessed on August 10, 2025). DOI: 10.15393/j9.art.2024.14522. EDN: APFWHX (In Russ.)
3. Egorov B. F. Solovyov Nikolay Ivanovich. In: *Russkie pisateli. 1800–1917: biograficheskiy slovar'* [Russian Writers. 1800–1917: a Biographical Dictionary]. Moscow, The Great Russian Encyclopedia Publ., 2007, vol. 5, pp. 748–750. (In Russ.)
4. Egorov B. F. N. I. Solovyov. In: *Egorov B. F. Izbrannoe. Esteticheskie idei v Rossii XIX veka [Egorov B. F. Selected Works: Aesthetic Ideas in 19th-Century Russia]*. Moscow, Letniy sad Publ., 2009, pp. 480–505. Available at: <https://djvu.online/file/nlKhL89h0ZivB> (accessed on August 10, 2025). (Ser.: Russian Propylaea.) (In Russ.)
5. Zakharov V. N. On the Status of Editorials in Dostoevsky’s Periodicals. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2017, vol. 4, no. 1, pp. 3–17. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1493122152.pdf (accessed on August 10, 2025). DOI: 10.15393/j10.art.2017.3083. EDN: YNADJZ (In Russ.)
6. Nechaeva V. S. *Zhurnal M. M. i F. M. Dostoevskikh “Epokha”. 1864–1865 [The Journal of Mikhail and Fyodor Dostoevsky “Epokha”. 1864–1865]*. Moscow, Nauka Publ., 1975. 302 p. (In Russ.)
7. Shcherbakov V. I. Nikolay Solovyov as a Critic of Chernyshevsky’s Aesthetic Theory. In: *Studia Litterarum*, 2023, vol. 8, no. 1, pp. 46–63. Available at: http://studlit.ru/images/2023-8-1/02_Shcherbakov_46-63.pdf (August 10, 2025). DOI: 10.22455/2500-4247-2023-8-1-46-63. EDN: QSOYAQ (In Russ.)
8. Shcherbakov V. I. Nikolay Solovyov’s Essay “The Art Issue” in the Critical Controversy About A. N. Ostrovsky’s “The Thunderstorm”. In: *Studia Litterarum*, 2025, vol. 10, no. 3, pp. 172–183. Available at: http://studlit.ru/images/2025-10-3/08_Shcherbakov.pdf (accessed on August 10, 2025). DOI: 10.22455/2500-4247-2025-10-3-172-183. EDN: WTVFCY (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Бучнева Дарья Дмитриевна, преподаватель кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики, младший научный сотрудник Управления научных исследований, аспирант, Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1990-3117>; e-mail: darja.lammasjarvi@mail.ru.

Daria D. Buchneva, Lecturer at the Department of Classical Philology, Russian Literature and Journalism, Junior Researcher of the Department of Scientific Research, graduate student, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, 185910, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1990-3117>; e-mail: darja.lammasjarvi@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 10.09.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 11.11.2025

Принята к публикации / Accepted 12.11.2025

Дата публикации / Date of publication 12.12.2025